

Евгений Абдуллаев

Завершая круг

Вот и 2010-е докатились до финиша; литературный народ взялся за подведение итогов.

В «Российской газете» о них размышляет Павел Басинский; в «Эсквайре» «главные тренды и события» перечисляет Анастасия Завозова; на «Colta» методом голосования определяют «культурных героев» 2010-х; в литературе ими оказались Прилепин, Быков и Пелевин (а кто-то ожидал других?).

Само подытоживание стало в это десятилетие почти трендом. Ежегодные опросы в «Дружбе» (они, правда, еще с нулевых — уже традиция). Ежегодное подведение итогов на «Литературе», на «Текстуре», на «Rara Avis», на «Горьком»... Не говоря о декабрьско-январских постах в ФБ, где литблогеры дружно отчитываются о своих читательских достижениях. И опять же, подводят итоги.

Это и неплохо — сам участвую, когда зовут. Хуже другое. Еще в середине нулевых в одной из толстожурнальных дискуссий, помню, ставился вопрос, какой *будет* русская литература (многое из сказанного, кстати, сбылось)¹. Сегодня о будущем не спрашивают. Живем с головой, повернутой исключительно назад.

Сложно, конечно, прогнозировать, когда подкожный запас все тоньше и половина литературных институтов существует по принципу «нам бы день простоять, да ночь продержаться». Но дело не только в этом. Сами десятилетия были пропитаны ретроспективизмом; прошлое — даже кровавое — вдруг сделалось понятным и симпатичным, и все страхи и ужасы переместились в будущее.

Попробую все же кое-какие итоги подвести и кое-какие прогнозы сделать. Нет, не для всей литературы всех десятилетий («Вся Одесса очень велика...»). Да и о некоторых ее признаках в этих «барометрах» уже писал. (О пробуждении интереса к детской литературе и жанру «производственного романа»; о востребованности литературных школ, о новой роли библиотек...). Здесь — поскольку пишу это в толстом литературном журнале — сосредоточусь на том, что имеет отношение к журналам и их окрестностям. И главным образом о прозе; поэзия десятилетий требует особого разговора.

Бракоразводный процесс государства с современной литературой наконец завершился. Литературе выплачиваются алименты, на которые она в 2010-е художественно существует — других источников не было: международные фонды, олигархи-меценаты — все это в основном осталось в девяностых—нулевых. Все десятилетие исчезали проекты, существовавшие на меценатские деньги. От премии Казакова в начале — до «Русского Букера» в конце и от «Континента» в начале — и до «Ариона» в конце.

По толстым журналам это, похоже, ударило сильнее всего. Да, разговоры о конце «толстяков» невяло текут с девяностых и всех уже утомили. И все же — почувствуйте

¹ «Знамя», 2006, № 6 (<https://magazines.gorky.media/znamia/2006/6/144954.html>).

разницу. И в девяностые, и еще в нулевые почти все новые литературные имена «оперялись» именно в толстых журналах и лишь затем являли себя *urbi et orbi*. Именно на толстые журналы приходился «центр тяжести» литературной критики. Именно толстые журналы стояли почти за всеми важными литературными проектами — премиями, фестивалями, семинарами молодых авторов. *Last but not least* — в толстых журналах еще платили гонорары.

В десятые все это исчезло — или почти исчезло.

Нет, журналы продолжали — в почти экстремальных условиях — делать то, что они делали. Искать и пестовать новых авторов. Поддерживать прежние проекты и генерировать новые — вроде студии сравнительного перевода «Шкереберть» («Дружба народов»), антологии современной татарской поэзии («Октябрь») или культурного центра при «Новом мире».

И тем не менее. Сегодня толстые журналы — даже не министры без портфелей. Портфели (редакционные) как раз наличествуют, и такие же переполненные, если не больше. Изменилось место журналов на литературном поле — поскольку изменилось само поле.

Изрядное число авторов, возникших в десятые и почти сразу вышедших в первые ряды, было выращено уже не на толстожурнальных грядках. Водолазкин, Яхина, Николаенко или «выстреливший» совсем недавно Служитель — имена, появившиеся сразу на твердых переплетах. Либо, как в случае Яхиной, журнальный дебют почти совпал с «книжным».

Еще в нулевые издатели предпочитали брать авторов, «проверенных» на столичных толстых журналах; в десятые ставка стала делаться на «темных лошадок», возникших как бы из ниоткуда. Издательский бизнес худо-бедно научился делать имена-«проекты» — не только в «развлекательном» сегменте (там это умели давно), но и в «серьезном».

Отдельные попытки бывали и в нулевые: «проектировали» то Илью Стогова, то Сергея Болмата, то Сергея Минаева, то вообще Бибиш, «танцовщицу из Хивы». Проекты оказывались эфемерными, очередным массовым продуктом, что вряд ли соответствовало амбициям авторов и их промоутеров. Литсообщество держало круговую оборону, литкритика их либо не замечала, либо встречала так, что второй раз звонить в ту же дверь не хотелось.

В нулевые имена-проекты стали возникать и в серьезном сегменте. Пусть «Зулейха» написана по тому же «Золушкиному» сценарию, что и «Танцовщица из Хивы» (где «Золушка» — еще и «угнетенная женщина Востока»), книга Яхиной сделана гораздо лучше и профессиональнее. А успех ее второго романа — «Дети мои» — показал, что Яхина скорее всего всерьез и надолго.

Вообще, в десятые значительно поднялся средний уровень литературного письма, особенно в прозе. Правда, само письмо опрощается, подсушивается. Еще в нулевые в литературе «премиум-класса» вполне естественно смотрелись и густой метафорический замес Иличевского, и тонкие стилистические игры Шишкина, и барочные избыточности Терехова. В десятые регистр изменился, мастерство теперь не в том, чтобы писать сложно, а в том, чтобы писать просто.

Это объясняет некоторое «замолкание» в десятые прежних «стилистов». Включая и Владимира Сорокина, главным достоинством прозы которого (в отличие от других, более сомнительных) был именно стиль. Нет, «Теллурию» заметили, а «Манарагу» даже отметили («НОСом»). Но «топовым» Сорокин оставался скорее благодаря прежним заслугам. В отличие от Пелевина, который работал еще активнее, чем в нулевые; опрощаться ему не требовалось: «ноль-стилем» он писал изначально.

Вообще, если говорить о стилистических тенденциях, то три постсоветских десятилетия чем-то перекликаются с тремя первыми советскими. Девяностые — с двадцатыми: период активных стилистических поисков (модернистских в 20-е, постмодернистских — в 90-е). Двухтысячные — с тридцатыми: постепенное исчерпание

этих поисков и приход реализма («социалистического» — в 30-е, «нового» — в нулевые). Наконец, десятые «рифмуются» с сороковыми — стилистическое опрощение захватывает даже прежних модернистов / постмодернистов. Пастернак пишет «Живаго», по его же признанию, слогом Лидии Чарской. Сегодняшние «пастернаки» тоже пытаются писать проще и хуже; об этом даже целая дискуссия в «Знамени» была (2014, № 1).

Изменился и стиль литературной критики. Ушла эссеистическая изящность; все более востребованы информативность и компактность. Интерактивность, постоянный контакт с читателем. На смену толстожурнально-газетной критике девяностых — начала нулевых (Андрей Немзер) и глянцевай — второй половины нулевых — начала десятых (Лев Данилкин) пришла критика сетевая — совершенно верно: Галина Юзефович.

Литкритика становится все более новостной — оперативность отклика порой важнее, чем его контент. Да и литературная новость — это уже не только книга, премия, скандал. Это, например, и аналитика книжного рынка. Открывателем и виртуозом этого жанра стал Владимир Харитонов, чьи обзоры на «Горьком» поглощаются с не меньшим интересом, чем когда-то рецензии Немзера во «Времени новостей».

Если коньком критики нулевых была социология литературы, то в десятые им стала ее экономика. Даже в случае толстых журналов мы, похоже, лучше осведомлены — благодаря соцсетям — о перипетиях их хозяйственной деятельности, чем о том, что в них выходит и стоит ли это читать (критика десятых толстожурнальные публикации не обзоревают). Сумеют или не сумеют выплатить свои долги «Вопросы литературы»? Отстоит или не отстоит свое здание «Новый мир»? Соберет или не соберет нужную сумму на продолжение своей работы «Журнальный зал»? Сумели, отстояли, собрали (пока). Вдыхаем с облегчением.

Что нас здесь в ближайшем будущем ожидает — я имею в виду толстые журналы и окрестности? Дилемма «либо под государство — либо под рынок», вероятно, будет сохраняться. В рынок толстые журналы не вписываются экономически (хотя Александр Гаврилов предположил, что они со временем станут своего рода «малыми издательствами»), в государственную систему — даже не столько идеологически, сколько из-за того, что сама власть к этому не стремится. Не видит в литературе того канала воздействия на массы, какой видели в ней когда-то большевики. Поэтому в лучшем случае — «алименты».

Это означает, что в двадцатые количество бумажных толстых журналов будет сокращаться. Сохранится, возможно, пара-тройка — остальные либо исчезнут, либо полностью перейдут в электронный формат. Возможно, несколько экземпляров, для авторов или библиотек, будет издаваться на бумаге в формате *print-on-demand* (еще одно новшество десятых).

Что касается «окрестностей», то здесь я еще более далек от оптимизма. Симпатичный портрет «нового читателя», как его изобразил директор «Фаланстера» Борис Куприянов, меня не сильно убеждает. Молодой читатель, который глубоко обдуманно выбирает, что читать, которого «трудно обмануть» рекламой, поскольку он сразу «чувствует фальшь»¹... Нет, я таких молодых людей тоже иногда вижу — в «Фаланстере». Или в «Пиотровском» (когда добираться до Перми). Это элита, и довольно узкая. Более же широкий (даже не массовый, а именно чуть более широкий) читатель будет читать все меньше — по крайней мере, художественной литературы.

Так что 2010-е через несколько лет нам покажутся не «странным десятилетием» (как уже успел назвать их Павел Басинский), а скорее «прекрасным» (как называл Андрей Немзер девяностые). И не столько благодаря прекрасным авторам, сколько благодаря читателю. Прекрасному и еще относительно многочисленному.

¹ Не-итоги года: Борис Куприянов о прошедшем и будущем // Сайт «Горький». 4 января 2020 г. (<https://gorky.media/context/ne-itogi-goda-boris-kupriyanov-o-proshedshem-i-budushhem/>)